

УДК 81 272

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ДРУГИЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

SOCIOLINGUISTICS AND OTHER LINGUISTIC DISCIPLINES

Владимир М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Нельзя сказать, что границы социолингвистики окончательно определились. Социолингвистика занимается функционированием языка, но не всяким, а тем, где люди вступают в общение. На существующие в разных обществах правила коммуникации налагаются ограничения, обусловленные спецификой данного общества. Представляется, что социолингвистика выделяется, в первую очередь, не по тематике и не по методам, а по интерпретации: либо исследуемое явление может быть объяснено социальными причинами, либо из него делаются социологические выводы.

Ключевые слова: социолингвистика, функционирование языка, общество, коммуникация, лингвосociология

It cannot be said that the boundaries of sociolinguistics have finally been determined. Sociolinguistics deals with the functioning of language that people use for communication. The rules of interaction existing in different societies are subject to restrictions due to the specifics of this society. It seems that sociolinguistics can be distinguished, first of all, not by topic or methods, but by interpretation: either the studied phenomenon can be explained by social reasons, or sociological conclusions can be drawn from it.

Keywords: sociolinguistics, functioning of a language, society, communication, linguosociology

Сейчас выделение социолингвистики как отдельной лингвистической дисциплины уже общепризнано. Однако нельзя сказать, что границы этой дисциплины окончательно определились, многое здесь остается неясным.

Существует широкое и узкое понимание социолингвистики. Иногда границы социолингвистики очень широко раздвигаются. В известном учебнике социолингвистики говорится: «Объект социолингвистики — язык в его функционировании» [Беликов, Крысин, 2001: 18]. Тем самым за пределами социолингвистики, как прямо и говорят авторы учебника, находится лишь «внутренняя структура языка», которая при социолингвистическом подходе «принимается как некоторая данность и специальному исследованию не подвергается» [Беликов, Крысин, 2001: 17]. Однако

современная, так называемая функциональная наука о языке активно занимается именно языковым функционированием в самых разных аспектах. Например, У. Чейф выделял области науки о языке, связанные с функциональной парадигмой. Это когнитивная лингвистика, антропологическая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, прагматика, дискурсивные исследования, корпусная лингвистика, документирование языков [Чейф, 2015: 60–61]. Список, конечно, неполный. Именно функциональный подход дал толчок для их развития, это относится и к типологии и семантике. В современной семантике уже общепризнанно, что в отличие, например, от фонологии, она может полноценно изучаться лишь при выходе за пределы «внутренней структуры языка». «В отличие от метода “черного ящика” “естественное” моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т. д. ... Стремление к указанной в вышеприведенной цитате адекватности очень важно, а оно заставляет расширять границы науки о языке и сближать ее с другими науками о человеке» [Кибрик, 1983/1992: 19–20]. В различных направлениях структурализма эксплицитно или имплицитно исходили из метода «черного ящика», а то, что происходит у людей «на самом деле», традиционно изучала лишь одна довольно обособленная от остальных лингвистическая дисциплина – экспериментальная фонетика. Но можно ли считать, что любое функционирование языка подлежит ведению социолингвистики? Вот один пример. В статье Е.Н. Винарской, опубликованной в 1970-е гг., описывался случай далеко зашедшей афазии, при которой у больного (пол его не был указан) сохранился лексический запас всего из полутора десятков единиц, среди которых была и такая: *Ой, девочки!* (безусловно, словосочетание здесь превратилось в нечленимое слово). Пол пациента очевиден: это женщина. Разумеется, так мог бы сказать и мужчина (не больной афазией), но разве что в шутку. И невозможно себе представить, чтобы у человека мужского пола данное выражение вошло бы в число наиболее фундаментальных единиц, сохраняемых при сильнейшем речевом расстройстве.

Что в этом примере относится к ведению социолингвистики? Гендерная специфика выражения "*Ой, девочки!*" имеет социальные причины. Однако афазия социально не обусловлена; в то же время и ее исследование относится к области функционирования языка. У этого функционирования выделяются как коммуникативные аспекты, так и аспекты, охватывающие использование индивидуальных механизмов речи человека. Последние изучают особые дисциплины: психолингвистика и нейролингвистика. И активно развивающиеся сейчас когнитивные дисциплины не могут быть отнесены к социолингвистике: они изучают индивидуальные отношения между человеком и миром (имея, разумеется, и общие закономерности, действующие для разных людей). Итак, социолингвистика занимается функционированием языка, но не всяким, а тем, где люди вступают в общение. Сейчас нередко функциональную лингвистику делят на две дисциплины: когнитивную и коммуникативную лингвистику. Когнитивные науки явно отличны от социолингвистики.

Но и коммуникативная лингвистика лишь частично может быть отнесена сюда. Безусловно, существуют действующие в самых разных обществах правила коммуникации, обеспечивающие успешность диалога; они например, сформулированы в известных постулатах Грайса. Эти постулаты, пресуппозиции, перформативы и прочие понятия современной лингвистики речи — не социолингвистические в обычном смысле слова, поскольку она должна (по крайней мере, в идеале) действовать в любых обществах и связана с универсальными закономерностями человеческого поведения. Но на эти правила налагаются ограничения, обусловленные спецификой данного общества. Невозможность в ряде обществ употребить имя мужа или обязательность в японском диалоге указаний на социальную иерархию собеседников при отсутствии такой обязательности в русском или английском диалоге подлежат ведению социолингвистики (но и лингвистики речи тоже). Сейчас, например, активно изучаются правила ведения диалога в разных сферах разных обществ. Отмечается, что, скажем, в Японии до сих пор сохраняется требование уделять значительное внимание межличностным отношениям. Всей японской культуре (в том числе в бизнесе) свойственна большая значимость противопоставления «свой — чужой» [Стоногина, 2015]. Такие исследования выходят за рамки социолингвистики и тесно связаны с культурологией, но имеют и несомненный социолингвистический аспект.

Еще проблема: подсистемы того или иного языка, выделяемые по гендерному или (много реже) возрастному принципу. С одной стороны, сами по себе различия не являются социальными; например, тот факт, что женский голос выше мужского, отношения к социолингвистике не имеет (как и общие закономерности овладения языком детьми), но на них накладываются социальные аспекты. Не во всех, но во многих языках можно выделить особые — мужскую и женскую — подсистемы, которые могут изучаться и структурно, в отвлечении от обуславливающих их особенности причин, и социолингвистически. Например, для японского языка выявляются эти причины: в традиционном японском обществе у женщин выражение эмоций играло ведущую роль за счет ослабления информативного компонента (однако в современном японском обществе эти особенности речи могут сохраняться просто по традиции). И чисто структурное изучение ощущается как неполное. А современная функциональная лингвистика стремится отвечать не только на вопрос «КАК?», но и на вопрос «ПОЧЕМУ?». А так называемые формы вежливости того же японского языка могут также изучаться по-разному. Когда я писал диссертацию на эту тему, мой руководитель И.Ф. Вардуль ориентировал меня на изучение «внутренней структуры языка», что предполагало выделение некоторых дифференциальных признаков значения: «высший — равный — низший» и «свой — чужой», разные комбинации которых связываются с конкретными грамматическими элементами. Целью работы было изучение формы и семантики при отвлечении от прагматики, насколько это возможно. Но сейчас такое ограничение уже представляется слишком сильным. Это тот случай, когда «социальное внедряется в ткань языка и является компонентом строения языковых единиц» [Беликов, Крысин, 2001: 17]. Другое дело — не надо смешивать

две стороны вопроса. И вопрос другого рода, имеющий в то же время сходство: как описывать диалекты. Е.Д. Поливанов, как известно, занимавшийся и «внутренней структурой», и социолингвистикой, в ранней книге [Поливанов, 1917], основанной на полевых исследованиях, придерживался строго структурного подхода. В книге был дан очерк четырех японских фонологических и акцентологических подсистем, которые обозначены как диалекты. Все они описываются как равноправные, что оправдано при структурном подходе. Но с социолингвистической точки зрения системы не равноправны: это два говора, каждый из которых тогда был распространен лишь в одной деревне, городской диалект Киото и «диалект Токио», к тому времени уже ставший литературным языком. Пример показывает, что мы можем выделять и описывать подсистемы языка как со структурной, так и с социолингвистической точки зрения. В книге, посвященной двуязычию, приводится высказывание У. Маккея: «Языки равны лишь перед богом и лингвистом» [Edwards, 1994: 102]. Оно верно при структурном подходе, но не при социолингвистическом: язык или, тем более, говор, имеющий лишь бытовое употребление, с точки зрения выполняемых функций не равен языку, употребляемому во всех сферах.

В 1970-х гг. один из ведущих советских социолингвистов Л.Б. Никольский, определяя границы данной дисциплины и ее отличия от «обычной» лингвистики, справедливо указывал, что функционирование языка изучают и та и другая [Никольский, 1976: 58]. Различие он видел в ином: для остальных лингвистических дисциплин язык — гомогенный, тогда как для социолингвистики — гетерогенный объект [Никольский, 1976: 58–59]. Точнее, «обычная» лингвистика тоже членит свой объект, но только по вертикали (фонология, морфология, синтаксис и т. д.), а социолингвистика это делает по горизонтали: литературный язык, членимый на функциональные стили, территориальные и социальные диалекты и др. [Никольский, 1976: 58–59]. И далее, говоря о разделах социолингвистики, Л.Б. Никольский в качестве двух разделов из трех выделял «подсистемы» языка и «факторы выбора» между подсистемами [Никольский, 1976: 58]. Но из двух выделяемых Л.Б. Никольским задач относится к социолингвистике одна — факторы выбора; но подсистемы, включая диалекты и функциональные стили, вполне могут изучаться и в структурном плане, как это делал Е.Д. Поливанов (или Р.И. Аванесов и другие представители Московской фонологической школы) для русских диалектов. Отмечу и еще одно понимание социолингвистики, относящееся уже к последнему времени. Оно связано с разграничением лингвистики языка и лингвистики речи. Вот что писал по этому поводу ныне покойный саратовский лингвист: «На сегодняшний день эта область языкознания [лингвистика речи — В.А.] выглядит наименее упорядоченной. . . . Отчасти это связано с тем, что в ее пространстве плохо уживаются отпрыски разных научных корней: с одной стороны, — это ветви таких импортных экзотических растений, как прагмалингвистика, теория речевых актов, социолингвистика, а с другой — отростки от мощной корневой системы отечественной науки» [Седов, 2011: 6]. Если определение В.И. Беликова и Л.П. Крысина излишне расширяет границы социолингвистики, то постановка социолингвистики

в один ряд с прагматикой и теорией речевых актов, как и безоговорочное ее включение в лингвистику речи, их излишне сужает. У нас термин «социолингвистика», в первую очередь, связывается не с «импортными экзотическими» подходами, а с исследованиями, сложившимися в нашей стране в советское время. По-видимому, К.Ф. Седов относил к социолингвистике изучение социально обусловленного речевого поведения, коммуникативной компетенции носителей языка. Но куда отнести уже упоминавшиеся «формы вежливости» (точнее, этикета), если они в ряде языков имеют и грамматическое выражение? И совсем уж далеко от лингвистики речи изучение языковой политики или языковых конфликтов.

В книге 1976 г. Л.Б. Никольский ставил в качестве одной из задач «разграничение двух направлений, которые сейчас носят название социолингвистических, и выделение области, которую можно было бы обозначить термином «лингвосоциология» [Никольский, 1976: 34]. Такая дисциплина изучает те же явления, что социолингвистика, но «в интересах социологии» [Никольский, 1976: 131]. В лингвосоциологии «изучаются социальные явления и процессы через их языковые отражения, а язык рассматривается в ряду факторов, оказывающих воздействие на функционирование и эволюцию общества» [там же]. В числе явлений, изучаемых лингвосоциологией, например, упомянуты социальные функции языка: консолидирующая (слияние воедино носителей языка), разъединяющая, символическая и интегрирующая (объединение на основе языка — средства межнационального общения) [Никольский, 1976: 134]. Данное разграничение не всегда у нас получало поддержку, и сам Л.Б. Никольский от него в дальнейшем отказался. Однако склонны к такому разграничению, например, В.И. Беликов и Л.П. Крысин: «Согласно мнению, разделяемому многими современными исследователями, основное различие между обсуждаемыми понятиями заключается в том, что социолингвистика — это область языкознания, и она изучает языковые явления с привлечением социальных факторов (обуславливающих развитие и функционирование этих явлений), а социология языка — междисциплинарная, промежуточная область исследования, сочетающая социологические цели и методы исследования с лингвистическим материалом». «Социолингвист идет “от языка”, от языкового факта, социолог языка — “от общества”, от общественных отношений и институтов» [Беликов, Крысин, 2001: 259– 260]. Авторы учебника называют несколько работ, где такое различие проводится: [Ellis, 1965; Kjolseth, 1972; Белл, 1980]. В том числе к социологии языка относят манипуляции языком со стороны власти, демагогическое использование языка и пр. Особо выделяется лингвосоциология и в «Словаре социолингвистических терминов». В словаре разграничивается два понимания термина “лингвосоциология”: широкое и узкое. В широком смысле это вся совокупность исследований, одновременно затрагивающих общество и язык, а социолингвистика при таком понимании — лишь ее часть. Думается, что такое понимание, которое приписывается Л.Б. Никольскому (хотя тот не рассматривал социолингвистику как часть лингвосоциологии), слишком широко и включает слишком неоднородный круг явлений. Более существенно узкое понимание, когда (по Дж. Эллису) «в узком

смысле лингвосоциология ищет ответы на вопрос: «Какие люди (общности и индивиды) используют язык и в каких условиях?» [Словарь, 2006: 106]. Представляется, что предложенное авторами словаря широкое понимание не так уж далеко от идей Л.Б. Никольского. Лингвосоциология (социология языка) в таком смысле идет от языковых явлений (например, двуязычия) и приходит к внелингвистическим, социологическим выводам.

Однако к социологии непосредственное отношение имеет и анализ языковой политики, который Л.Б. Никольский как раз относил к социолингвистике [Никольский, 1976: 115–117 и др.]. Политика той или иной власти так или иначе реагирует на объективную языковую ситуацию, изучаемую социолингвистикой, но принимает меры политического характера. В свою очередь, эта политика влияет на сами языки и на их употребление: они расширяют или сужают функции, вымирают и т. д., что уже важно для социолингвистики. При этом отчасти в поле зрения исследователей оказываются те же события, но при разных целях изучения. Поэтому разделение дисциплин представляется разумным. «Экзотическим растением» можно назвать социолингвистику только при полном игнорировании лингвосоциологии, которой у нас и сейчас, и еще в большей степени в советское время преимущественно и занимались. В пользу разграничения социолингвистики и лингвосоциологии можно привести и еще один аргумент. Активные в СССР в 1920–1930-е гг. попытки построить марксистскую лингвистику в итоге не дали результата, но марксистские идеи с успехом применяются (в основном западными неомарксистами) к тому, что может быть названо лингвосоциологией. Об этом я уже писал, правда, рассматривая тогда социолингвистику и лингвосоциологию в единстве [Алпатов, 2005: 187–201, 365–372]. Марксистскую лингвистику создать не удалось даже такому крупному ученому, как Е.Д. Поливанов, но марксистская социология существует уже более полутора столетий и далеко не исчерпала свой потенциал, а социология языка — ее часть. Представляется, что социолингвистика выделяется, в первую очередь, не по тематике и не по методам, а по интерпретации: исследуемое явление относится к языку и/или речи, но либо может быть объяснено социальными причинами, либо из него делаются социологические выводы. Это можно сказать, в частности, и о функциональных стилях, и о диалектах, и о формах вежливости, и о мужских и женских вариантах языка. Вот, например, явление двуязычия — одно из центральных в социолингвистике. Само по себе оно имеет и структурные, и психолингвистические аспекты: имеются две (или больше) языковые системы, владение которыми может быть различным (сбалансированное, несбалансированное двуязычие и др.); системы влияют друг на друга (интерференция). В то же время двуязычие, бесспорно, имеет социальные причины, изучаемые социолингвистикой. Однако существование двуязычия имеет последствия, которые касаются не языка и не речи, а социальных процессов в том или ином обществе: например, в одних государствах элита двуязычна, в других (отвлекаясь от добровольного двуязычия) одноязычна, одноязычие может быть престижно (если человек владеет господствующим языком) или не престижно (если это язык меньшинства).

Видимо, в наибольшей степени приемлемым представляется определение социолингвистики в «Словаре социолингвистических терминов»: «Отрасль языкознания, изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных (различных элементов социальных установок, ценностей и т.п.) социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [Словарь, 2006: 207]. Такое определение нельзя назвать ни слишком широким, ни слишком узким.

Литература

- Алпатов В.М. (2005) Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки слав. культуры. 432 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001) Социолингвистика. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 315 с.
- Белл Р. (1980) Социолингвистика: цели, методы и проблемы. [Пер. с англ.]. М.: Междунар. отношения. 318 с.
- Кибрик А.Е. (1992) Лингвистические постулаты. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ. С. 17–27.
- Никольский Л.Б. (1976) Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М.: Наука. 168 с.
- Седов К.Ф. (2011) Языкознание. Речеведение. Генристика. Жанры речи, выпуск 8. Саратов-Москва. С. 210–223.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Стоногина Ю.Б. (2015) Бизнес-коммуникации в Японии как национальный социокультурный феномен. Автореф. дис. докт. культур. М. 28 с.
- Чейф У. (2015) На пути к лингвистике, основанной на мышлении. Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры. С. 60–88.
- Edwards, J. (1994) Multilingualism. London and New York, Routledge. 256 p.
- Ellis, J. (1965) Linguistic sociology and institutional linguistics. Linguistics, no 19.
- Kjolseth, R. (1972) The development of the sociology of language and its social implication. Sociolinguistic Newsletter, Vol.3.

References

- Alpatov, V.M. (2005) Voloshinov, Bahtin i lingvistika. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. 432 p. (In Russ.)
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) Sociolingvistika. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 315 p. (In Russ.)
- Bell, R. (1980) Sociolingvistika: celi, metody i problemy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 318 p. (In Russ.)
- Kibrik, A.E. (1992) Lingvisticheskie postulaty. Oчерki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija. Moscow, MGU, pp. 17–27. (In Russ.)
- Nikol'skij, L.B. (1976) Sinhronnaya sociolingvistika (teoriya i problemy). Moscow, Nauka. 168 p. (In Russ.)

Sedov, K.F. (2011) Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika. Zhanry rechi, no. 8, Moscow-Saratov, Pp. 210–223. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskikh terminov (2006) Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 312 p. (In Russ.)

Stonogina, Yu.B. (2015) Biznes-kommunikacii v Yaponii kak nacional'nyjsociokul'turnyj fenomen. Avtoref. dis. dokt. kul'tur. Moscow, 28 p. (In Russ.)

Chafe, W. (2015) Na puti k lingvistike, osnovannoj na myshlenii. Yazyk i mysl'. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. Moscow, Languages of Slavic cultures. Pp. 60–88. (In Russ.)

Edwards, J. (1994) Multilingualism. London and New York, Routledge. 256 p.

Ellis, J. (1965) Linguistic sociology and institutional linguistics. Linguistics, no 19.

Kjolseth, R. (1972) The Development of the sociology of language and its social implication. Sociolinguistic Newsletter, Vol.3.

Алпатов Владимир Михайлович — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1. Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: Алпатов В.М. Социоллингвистика и другие лингвистические дисциплины [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2020, № 1. С. 9–16

For citation: Alpatov V.M. Sociolinguistics and other linguistic disciplines. Sociolinguistic Studies, 2020, no. 1 [online], pp. 9–16 (In Russ.)
